

Гарри был поражён, но в хорошем смысле. Зрение у него никогда не отличалось остротой, но он не мог поверить, как чётко всё стало видно через диагностический прибор окулиста. Буквы на таблице в конце комнаты казались вырезанными из чистого хрустала. Он уже предвкушал, как будет носить свои новые очки. Три пары! Чудеса! А потом одежда. Мистер Койнер настоял на том, чтобы Гарри получил то, что казалось несбыточной мечтой: новые брюки, которые держались на бёдрах без всяких подпорок, носки, не растянутые и не дырявые, джинсы, шорты, футболки для повседневной носки и нарядные брюки с рубашками на пуговицах для школы. Две пары обуви: кроссовки для игр и элегантные туфли для школы. Гарри попытался было возразить, но мистер Койнер лишь покачал головой: — Каждый ребёнок заслуживает нормального гардероба. Разве твой кузен не получает столько же, если не больше, новой одежды? Дадли действительно имел больше новой одежды, чем Гарри. Тётя Петунья всегда заставляла его стирать Дадлины вещи, поэтому он знал это точно. Гарри сдался. Стивен заставил его переодеться в один из новых нарядов, а затем они вернулись к машине и сложили покупки в багажник. — Пора обедать! — весело сказал Стивен. — Что ты предпочитаешь? Бургеры, рыба с картошкой или что-нибудь ещё? Мы можем пойти куда угодно. Глаза Гарри расширились. — Я не знаю, — пробормотал он. — Мне обычно не разрешают... Он опустил взгляд, затем снова посмотрел на мужчину. Мистер Койнер не ударил его и даже не повысил голос. — На завтрак я получаю один кусок тоста, а на обед — яблоко. Дадли часто забирает его или портит, прежде чем я успеваю доесть. На ужин мне разрешают есть объедки после того, как они поедят. Они говорят, что этого достаточно для такого уродца, как я. Но иногда я так голоден, что приходится выгребать объедки из мусорных баков... — признался он. — Я тебя не виню, — сказал мужчина, снова принимая сердитый вид. — Во-первых, ты не урод, а растущий мальчик. Один кусок хлеба, яблоко и объедки — этого мало для любого, тем более для ребёнка твоего возраста. Неудивительно, что ты меньше своего кузена, хотя он старше тебя всего на пару месяцев. — Он слегка усмехнулся и взъерошил волосы Гарри. — Не то чтобы ты хотел быть таким же толстым, как Дадли, правда? — поддразнил он. — Я удивляюсь, как он вообще может ходить. Такой толстый, как он, ему было бы проще передвигаться на четырёх лапах, не так ли? Гарри застенчиво хихикнул, представив себе, как его кузен мчится по коридорам школы на четырёх лапах. — Он бы сбил с ног больше детей за раз, если бы это было так. Стивен рассмеялся. — Давайте не будем давать ему никаких идей. Как насчет того, чтобы пообедать в «Макдоналдсе»? Раз уж они не кормили тебя толком, лучше пока поесть поменьше, чтобы не заболеть. В «Макдоналдсе» есть специальные маленькие порции для детей, в то время как в большинстве заведений с рыбой и чипсами вас просто загрузят до отказа. Конечно, ты можешь принести домой остатки еды, но мне не нравится мысль о том, что твой кузен-свинья будет есть еду, которую я купил специально для тебя. — Хорошо, — согласился Гарри, пристегиваясь на пассажирском сиденье. Он молчал, пока они подъезжали к «Макдоналдсу» с подъездным окном, и лишь кивнул, когда мистер Койнер спросил, не хочет ли он попробовать чизбургер с чипсами и колой. Его глаза расширились, когда мужчина протянул ему картонную коробку, украшенную яркими мультяшными персонажами. В ней лежал не только ожидаемый чизбургер с чипсами, но и маленькая игрушечная машинка. У Гарри никогда не было игрушки, которая не принадлежала бы Дадли и не была бы сломана в первые же минуты. Стивен поставил два стакана с напитками в подстаканники между передними сиденьями и положил пакет с едой между стаканами и собой. — Я подумал, что мы поедем в парке и насладимся солнечным светом, — сказал он, выезжая на дорогу. — Там будет тише, и я смогу рассказать тебе все то, что ты должен был знать, когда рос. До парка было меньше пяти минут езды. Он остановил машину и повел Гарри к столику для пикника возле ручья, вдали от качелей и других игровых приспособлений. Гарри оглядывался по сторонам, пока они сидели и ели. Чизбургер и чипсы были невероятно вкусными, а кола удивила его своей шипучестью. Она защекотала ему нос и рот, и он икнул после первого же глотка, чем вызвал смех мистера Койнера. Но это был приятный смех, решил Гарри, а не злой. Покончив с едой и выпив почти всю колу, он поднял глаза на мужчину. — Теперь вы расскажете мне о моих родителях? — тихо

спросил он. Стивен кивнул. — Конечно. Я никогда не встречался с ними, чтобы поговорить, понимаешь, но они учились на седьмом курсе школы Хогварт, когда я был на первом. Они были гриффиндорцами, а меня определили в Хаффлпафф. Гарри выглядел просто растерянным. Стивен вздохнул. Может, сначала рассказать о мире волшебников и школе, а потом перейти к истории ребенка, подумал он. И он начал сначала. — Итак, мы уже говорили о том, что магия действительно существует, верно? Так вот, на самом деле в Британии и по всему миру существуют тысячи ведьм и волшебников. Но по большей части они не очень-то любят контактировать с тем, что они называют маггловским миром... тем, что твоя тетя назвала бы нормальным. А Хогвартс — это лучшая в Британии школа магии. Обучение в ней начинается в одиннадцать лет, как и в любой другой средней школе, поскольку это школа-пансион, а именно в этом возрасте, по мнению большинства людей, дети уже достаточно взрослые, чтобы уехать из дома. Школа была основана четверьмя друзьями, которых звали Годрик Гриффиндор, Салазар Слизерин, Ровена Рейвенкло и Хельга Хаффлпафф. Поскольку каждый из них искал в своих учениках разные качества, определенные черты характера стали ассоциироваться с именами и с тем, что в итоге стало домами школы. Гриффиндорцы — это, как правило, смелые люди, которые в итоге становятся аврорами... это аналог полицейских... или других профессий подобного рода. Слизеринцы известны тем, что амбициозны и тщательно продумывают планы по достижению своих целей. Рейвенкловцы чаще всего являются мозгошмыгами... не столько ботаниками, сколько детьми, которые действительно любят учиться. Ботаники — это те, кто в любом доме будет заниматься всю ночь только для того, чтобы похвастаться своими оценками, видите разницу? А хаффлпаффцы — это тихие типы, которые не боятся тяжелой работы. Ребенок медленно кивнул. — Значит, мои родители были полицейскими? — спросил он. — Ваш отец, — кивнул Стивен, — поступил в авроры сразу после окончания Хогвартса. О вашей матери я знаю немного. Не уверен, работала ли она, училась ли каким-то особым навыкам. Они поженились сразу после школы, а вскоре после этого она забеременела вами. Но тогда были тяжелые времена. Всплыл темный волшебник, собрал вокруг себя фанатиков, и разразилась гражданская война. Понимаете, волшебникам не так важно, какого цвета у вас кожа или кого вы любите. Зато они очень озабочены "чистотой крови". Важен ли ваш род, старый он или нет, есть ли в вас хоть капля маггловской крови. Конечно же, большинство этих фанатиков — выходцы из старых, богатых семей. Они используют свое влияние, чтобы сдерживать магглорожденных, подкупают Министерство магии, чтобы не допустить принятия законов, которые дали бы нам справедливый шанс. Я сам магглорожденный. И именно потому, что меня выбрали вашим наставником, я понял, что не смогу получить достойную работу в Министерстве, хотя всегда мечтал служить государству. Поэтому я занималась летом, чтобы не отстать от маггловского образования, теперь учусь в университете и устроилась на летнюю работу к своему члену парламента. Представьте мое удивление, когда пришла записка с просьбой "всем, кто окончил Хогвартс, явиться к личному помощнику Ее Величества для возможного специального задания". До этого момента я даже не подозревала, что хоть какая-то часть маггловского правительства знает о мире волшебников.